BJ 1486
.R8 K3

1802

LIBRARY OF CONGRESS
00010328998

THE LIBRARY OF CONGRESS

c Karamzin, Nikolai
" Mikhailovich

РАЗГОВОРЪ

Razgovor o schastii

О

ЩАСТІИ.

Оно вездѣ,
Или нигдѣ.

Изданіе второе.

МОСКВА,
Въ Типографіи Селивановскаго,
1802.

B
J1486
R8K3
1802

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

РАЗГОВОРЪ
О
ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣсколько минутъ смотрю на тебя, и жалѣю, что я не живописецъ: не льзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

МЕЛОДОРЪ.

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*).

ФИЛАЛЕТЪ.

Что, естьли смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрестанное движеніе, связь души съ тѣломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

МЕЛОДОРЪ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ . . . о средствѣ быть щастливымъ въ жизни. Это стоитъ Философскаго камня.

ФИЛАЛЕТЪ.
Съ нѣкоторой стороны.
МЕЛОДОРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезной другъ, начто мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ, на перистилѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: *Щастію!* Вхожу во внутренность: гремятъ хоры — *Щастію!* Вижу безчисленное множество людей: спѣшатъ, тѣснятся,

простираютъ руки — ко *Щастію*, единственному божеству храма; но божество . . . невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ миртовою вѣтвію, роскошной блескомъ сокровищъ своихъ: оно не является! Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для щастія; но оно глухо, слѣпо — не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

ФИЛАЛЕТЪ.

Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

МЕЛОДОРЪ.

Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

ФИЛАЛЕТЪ.

Друзья схватятъ тебя за руку, будутъ просить, кланяться — и нѣжной, снисходительной Мелодоръ останется съ ними.

МЕЛОДОРЪ.

Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило быть Дон-Кишотомъ, гоняпься за воображаемою Дульцинеею, за пустою мечтою, и смѣшить холодныхъ людей моими пламенными вздохами.

ФИЛАЛЕТЪ.

Участь всѣхъ рыцарей въ наше время!

МЕЛОДОРЪ.

Кто же не рыцарь щастія? Но оставимъ шутку, и поговоримъ съ важностію о такомъ предметѣ, которой всего милѣе для нашего сердца. Все велитъ мнѣ разстаться съ пре-

лестною надеждою; но я хочу знать твои мысли, и сравниваю себя съ такимъ любовникомъ, которой видѣлъ, видѣлъ собственными глазами измѣну любовницы своей, но все еще *хотѣлъ бы* сомнѣваться; ненавидитъ свое увѣреніе, и говоря ей: *не оправдывайся!* слушаетъ . . . ея оправданіе.

ФИЛАЛЕТЪ.

Я помню слова одного Философа. „Естьли щастье?“ спросилъ у него любопытный человѣкъ. — Люди сначала мѣрацупъ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно . . . „Слѣдственно его

„нѣтъ?“ сказалъ любопытный. — Однакожь, продолжалъ мудрецъ, естьли бы оно было ничто иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ, то надобно.... „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный.—Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ; завернулся въ свою мантію и замолчалъ.

МЕЛОДОРЪ.

Надѣюсь, что ты будешь изходительнѣе этова Фило-

софа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное щастье въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасной отвѣтъ! Онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пиѳію, которая всегда говорила: *да и нѣтъ! нѣтъ и да!* или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

ФИЛАЛЕТЪ.

Естьли мы разумѣемъ подъ щастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями. . .

МЕЛОДОРЪ.

Потерявъ всѣ чувства недостатка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ волны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего. . .

ФИЛАЛЕТЪ.

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно

человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились; на примѣръ: молодой Эрастъ, общій нашъ знакомецъ, страстно влюбленъ въ Плѣниру; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пустъ рокъ соединитъ ихъ: Эрастъ, по обыкновенію всѣхъ щастливыхъ любовниковъ, скоро увидитъ ошибку свою; увидитъ, что Плѣнира хотя мила, очень мила, однакожъ не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятно-

сшей въ жизни. Вообразимъ, что я Эрастовъ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онъ желаетъ, то въ минуту исполняю.

МЕЛОДОРЪ.

Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, на примѣръ, богатства.

ФИЛАЛЕТЪ.

И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

МЕЛОДОРЪ.

Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

ФИЛАЛЕТЪ.

Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *остроумцы* скачутъ къ нему на почтовыхъ.

МЕЛОДОРЪ.

Онъ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Даю ему разумъ Фонтенеля, Вольтера, Руссо.

МЕЛОДОРЪ.

Захочетъ славы Героя —

ФИЛАЛЕТЪ.

Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

МЕЛОДОРЪ.

Пожелаетъ —

ФИЛАЛЕТЪ.

Конечно не много, чтобы два и два составили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами Природы и Фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ . . . Но что же? Восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно *ослабѣвать*; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его *способности наслаждаться*; каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щастье. Нѣтъ

предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ .. блаженства.

МЕЛОДОРЪ.

Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составили пять: по крайней мѣрѣ, физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣй-

ствуетъ слабѣе — и потому человѣкъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, которыми восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

МЕЛОДОРЪ.

Слѣдствіе. . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни; *оно невозможно по образованію души нашей.* Но. . . .

МЕЛОДОРЪ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ упѣщеніе!

ФИЛАЛЕТЪ.

Но есть ли щастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано чело[illegible]ку.

МЕЛОДОРЪ.

Какъ же я буду доволенъ, когда...

ФИЛАЛЕТЪ.

Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣднія однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце

есть младенецъ, которой бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ говорить ему: *это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!*

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли послѣдняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ отказывать; естьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ слишкомъ дорого; естьли на каждую пріятность можно считать по сту непріятностей; естьли всѣ страсти пагубны,

какъ утверждали Стоики; естьли вѣчное сраженіе съ чувствами есть для насъ законъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно твое возможное щастье! и начто родиться человѣку?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ, я не люблю Стоиковъ, которые черными сукномъ одѣваютъ всю Природу, и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ

разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

МЕЛЕДОРЪ.

Ты хочешь быть Панегиристомъ страстей; но я укажу тебѣ на мысъ Лекадской, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

ФИЛАЛЕТЪ.

Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

МЕЛОДОРЪ.

Кому же назначать предѣлы?

ФИЛАЛЕТЪ.

Я сказалъ: разсудку. Страсть для сердца есть ничто иное, какъ живое чувство удовольствія; но разсудокъ находитъ, что удовольствіе есть только *приманка;* что Натура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ ставитъ онъ погранич-

ной столпъ, и говоритъ сердцу: *не далѣе!* Когда чувствительной пастухъ видитъ и любитъ милую пастушку; вздыхаетъ, краснѣется передъ нею; ласкаетъ ея овечекъ; усыпаетъ цвѣтами тропинку, по которой она часто ходитъ; играетъ на свирѣли нѣжную пѣсню, между тѣмъ какъ пастушка сидитъ на бережку ручейка, и задумчиво смотрится въ зеркало воды кристальной: тогда я вижу намѣреніе Природы — она говоритъ въ его сердцѣ; она хочетъ, чтобы пастухи любились, и чтобы нѣжные плоды

взаимной склонности играли на колѣняхъ пастушекъ. Для того рука ея украсила розами любовь Аркадскую. Но можетъ ли Природа хотѣть, чтобы Сафы падали на землю отъ звуковъ Фаонова голоса, трепетали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ . . утопали въ пучинѣ Левкадской? Тутъ нѣтъ никакой цѣли: одно разрушеніе, противное намѣренію любви, которой поручено, такъ сказать, храненіе человѣческаго рода. Лезбійская Героиня служитъ неестественнымъ примѣромъ заблужденія

въ естественной и самой щастливой склонности.

МЕЛОДОРЪ.

Но развѣ пастушокъ твой не можетъ быть нещастливъ въ любовной своей Идилліи? Напримѣръ, онъ вздыхаетъ, краснѣется, а его не примѣчаютъ; гладитъ любимыхъ пастушкиныхъ овечекъ, а его не благодаряютъ взоромъ; усыпаетъ пропинки цвѣтами, играетъ на свирѣли, а его . . . не любятъ! Что, естьли нашъ Дафнисъ, потерявъ надежду, вздумаетъ грустить, тосковать, не глядѣть на свѣтъ Божій? Жестокой человѣкъ!

можешь ли ты не пожалѣть объ немъ? Можешь ли не осудить Природы, которая говорила въ его сердцѣ для того, чтобы сказать ему: *будь несчастливъ?*

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ, я не позволяю тосковать пастушку моему. Пусть онъ вздохнетъ два, три раза —— не больше — и пойдетъ искать другой, благосклоннѣйшей красавицы.

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасно! но возможно ли, когда страсть завладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душею?

ФИЛАЛЕТЪ.

Натура того не хочетъ, и предостерегаетъ насъ отъ излишностей чувствомъ страданія. Разсудокъ велитъ *умѣрять* любовь, когда она *мутитъ* сердце и можетъ погубить его.

МЕЛОДОРЪ.

Голосъ разсудка въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, которой предвѣщаетъ намъ бурю, но не можетъ отвратить ее?

ФИЛАЛЕТЪ.

Всегда можетъ, *лока* говоритъ; человѣку остается покорить ему волю свою, при-

нять его совѣты. На примѣръ: мнѣ очень нравится женщина; я чувствую, что могу полюбить ее страстно. Что совѣтуетъ благоразуміе? Увѣриться въ ея взаимной любви, или . . . удалиться отъ опасной Цирцеи. Благодѣтельная Природа образовала наше сердце такъ, что мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности. Надежда часто обманываетъ; но отъ чего же? Отъ безумнаго, вѣтренаго самолюбія, которое толкуетъ въ свою пользу всякой взоръ, всякое слово, и слышитъ *да!* гдѣ говорятъ *нѣтъ!*

или ничего не говорятъ. Заблужденіе открывается: что дѣлать? Проклинать судьбу, боговъ и чувствительность!

МЕЛОДОРЪ.

А непостоянсливо, измѣна. ——

ФИЛАЛЕТЪ.

Бываютъ только въ слабыхъ, или, лучше сказать, въ инимыхъ привязанностяхъ; но два сердца, образованныя для истинной, взаимной любви, никогда не могутъ разстаться въ жизни; всякой день утверждаетъ связь ихъ, наслажденіемъ, воспоминаніемъ, чув-

сномъ благодарности, разсужденіемъ, и наконецъ золотою цѣпью привычки. Неосторожный есть такой человѣкъ, которой никогда не любилъ и никогда (что все одно) не былъ любимъ.

МЕЛОДОРЪ.

Однакожь N., мой пріятель, оставленный своею красавицею, былъ въ отчаяніи и хотѣлъ застрѣлиться.

ФИЛАЛЕТЪ.

Не сердце, а гордость его была въ отчаяніи, которое и продолжалось, кажется, не

болѣе семи дней. Онъ терзался мыслію, что красавица предпочла ему другова. Ахъ! я увѣренъ, что и нѣжная, пламенная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безъ помощи раздраженнаго самолюбія, а можетъ быть и суетнаго желанія, еще болѣе прославить себя въ Исторіи такимъ героическимъ дѣломъ. — Однимъ словомъ, съ осторожностію, съ благоразуміемъ, любовь дѣлаетъ насъ только щастливыми. — То же самое можно сказать о другихъ природныхъ страстяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ

своей, подъ руководствомъ ума. На примѣръ —

МЕЛОДОРЪ.

Имѣй сердце похвалишь корыстолюбіе!

ФИЛАЛЕТЪ.

Да, и корыстолюбіе хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть ничто иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: вотъ что естественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучить людей для умноженія моихъ сокровищъ? . . . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Тогда Природа и разсудокъ отступятся отъ Мелодора. Первая говоритъ: *собирай*; а второй договариваетъ: „хо„рошими средствами, для „собственной твоей пользы. „Какъ поступаешь въ отно„шеніи къ другимъ, такъ „другіе имѣютъ право посту„пить въ отношеніи къ тебѣ. „Возьмешь чужое, возьмутъ „твое — и вмѣсто того, чтобы

„обезопасить жизнь свою, бу-
„дешь всегда въ опасности.“

МЕЛОДОРЪ.

Я угадываю, что ты скажешь о честолюбіи.

ФИЛАЛЕТЪ.

То, что оно есть самая благороднѣйшая моральная страсть, собственно человѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній. Не говори мнѣ о Геростратахъ, Александрахъ, Аттилахъ: они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное,

природное, есть ничто иное, какъ желаніе нравиться подобнымъ себѣ моральнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственной сценѣ ея; она источникъ добрыхъ дѣлъ — и Натура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, — такъ какъ нѣтъ инова надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

МЕЛОДОРЪ.

Вотъ хорошая сторона страстей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезной другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ человѣку засорять ихъ свѣтлой источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливать на міръ столько зла и горя?

ФИЛАЛЕТЪ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту

минуту, когда приноситъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума, тотъ благодаритъ Природу за данную намъ волю слѣдовать ему или не слѣдовать. Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. Кто забываетъ цѣль врожденныхъ

склонностей, которая въ житейскомъ мореплаваніи должна всегда, какъ фаросъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей; кто искусственно растравляетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предается ихъ бурному стремленію, и хочетъ, такъ сказать, цѣлой міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: тотъ, гоняясь за призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ существенною тоскою, пьетъ соленую воду для утоленія жажды, и за минутные вос-

торги платитъ долговременною мукою — восторги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней *алчность къ наслажденіямъ*, ослабляютъ ея *способность наслаждаться*. Нещастной Танталъ есть образъ человѣка, которой служитъ такъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искусственнымъ фантомамъ нашего воображенія; которой, напримѣръ, какъ Сафо хочетъ любить съ изступленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чтобы найти вѣрную, кро-

кую сопутницу въ жизни, но для безпрестанныхъ восторговъ; которой, прикупивъ чувства свои однимъ предметомъ, спѣшитъ сжизнь ихъ другимъ; или которой, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, летитъ за лаврами на край свѣта, черезъ кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодѣяніями, добродѣтельною жизнію, тамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или которой собираетъ не для того, чтобы жить, но живетъ для того, чтобы соби-

рать; отказывается отъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, отъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуя пріобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для пріобрѣтеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, естьли мы нещастливы, и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. „Человѣкъ долженъ быть творцомъ своего „благополучія, приводя страсти въ щастливое равновѣсіе, „и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій.“

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли я не нахожу для себя *хорошей пищи*, то съ самымъ *прекраснымъ вкусомъ* могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, которой вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

ФИЛАЛЕТЪ.

Однакожь находитъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою

жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во-время, радуется благополучному ведру, полнотѣ житницъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть сердце, которому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ катится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая тепло, отдыхъ, поцѣлуй жены и . . рыбій жиръ на столѣ. — Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и по-

слѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачь изъогромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходитъ по мраморной лѣсницѣ отдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ, и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ . . . подлѣ бѣднаго земледѣльца, которой также покоится, также легко дышетъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. — Арисъ, молодой вельможа, говоритъ: „первая блаженная минута въ

жизни моей!“ Что привело его въ такое восхищеніе? Онъ стоитъ на колѣняхъ передъ обожаемою имъ женщиною, и въ первой разъ услышалъ отъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую т[illegible] же минуту какой нибудь сельской красавецъ щастливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь сельской кр[illegible]савицы, признаніемъ въ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знатнаго любовника и молодаго крестьянина теперь одинаковы. — Ты знаешь Клеона, которой истощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы менѣе скучать въ жизни;

которой спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки: часто, завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками — для чего? Чтобы устать и промокнуть насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!“ Въ самой тотъ же часъ бѣдной дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чув-

ствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся розница состоитъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ; но Провидѣніе и Натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не одѣляетъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣмецъ науки жить! Не все то легко, что кажется просто; и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ тихой, родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ

переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: „щастливъ, щастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится,

Sans changer de toit, ni d' amour!"

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Небо

приспрасшіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно властвовать надъ людьми ; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы модным красавицамъ ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи : слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ еже-

годныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

МЕЛОДОРЪ.

Философія твоя довольно упѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Думаю; но истина остается въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, искусственныя удовольствія не стоятъ общихъ, природныхъ; и что можно быть щастливымъ и нещастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго распо-

ложенія сердца. Натура позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

МЕЛОДОРЪ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ тернія горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

ФИЛАЛЕТЪ.

Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень немного: тѣлесное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить отъ болѣзней; а честная, моральная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые трезвые люди бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи: согласись, что это чрезвычайность — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и

взираетъ на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ: Онъ видитъ страданіе дѣтей Своихъ, и не позволитъ ему превзойти мѣру терпѣнія. Къ тому же . . . ты удивишься; но я скажу по чувствіу души моей . . . скажу, что въ самомъ нещастьи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогаетъ болѣзнь тѣлесную; покойною ясностію сердца освѣщаетъ мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротковосхитительное . . . Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ,

благодарилъ Небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ нещастіяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ поперею имѣнія выучились наслаждаться жизнію, собою, своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно

читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, которой былъ нѣкогда знатенъ и богатъ въ своемъ отечествѣ, а теперь .. шьетъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣть ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилѣжно, весело, поетъ *водевили* и философствуетъ какъ Сократъ о пріятностяхъ трудолюбія. — Мы, мы сами составляемъ тысячу отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями.

Я видѣлъ N. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо — М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ — Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду, отъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу человѣческую ? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли на-

звать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнію?

МЕЛОДОРЪ.

Но лишишься того, что дѣлало меня истинно-щастливымъ, не есть ли бѣдствіе? На примѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ. . ,

ФИЛАЛЕТЪ.

Горесть тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески стремится выйти изъ такого чрезвычайнаго поло-

женія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ пінтическимъ элегіямъ. Природа милостивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ этова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), которой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горесть, глубокая, истинная горесть есть чрезвычайной феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она

людей нещастными. Но обыкновенной бичь сердца есть *дурной нравъ* и скука.

МЕЛОДОРЪ.

Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

ФИЛАЛЕТЪ.

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинной Философъ или (что все одно) истинно-благоразумной чело-

вѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ нещастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ

будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

МЕЛОДОРЪ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

ФИЛАЛЕТЪ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые по свя-

Сенаторамъ: „О чемъ писать „къ вамъ, отцы именитые? „и какъ? самъ незнаю; и луч„ше хотѣлъ бы страдать, не„жели чувствовать такое раз„слабленіе, такое . . . но я „ничего не чувствую.“

земъ гражданскаго общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріялы, чтобы мы сами ихъ обработывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой

пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ пропивъ своего назначенія, пропивъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно отдаться подъ

ея законъ, которой велитъ *жить* и *работать*; надобно, чтобы *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, были также время главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ

на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами, всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава:* вотъ мой девизъ!

МЕЛОДОРЪ.

Ты говоришь, что во всякомъ состоянiи можно быть щастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, естьли бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребiи?

ФИЛАЛЕТЪ.

Самое ближайшее къ Природѣ: состоянiе независимаго земледѣльца, которой умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанiя, но и нѣкоторыя удобности въ жизни;

могъ бы имѣть свѣтлую хиженку, маленькой садикъ, умъ для вниманія къ премудрымъ дѣйствіямъ Натуры и чувствительное сердце для любви къ милой подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: то самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — пивое, мое. Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чувство слишкомъ изнѣжено для

сильнаго наслажденія!“ Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: „здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!“ Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго щастія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ... миловидную женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба, спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣютъ наслаждаться Природою, Искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

МЕЛОДОРЪ.

Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, порокъ и злоба? Ты оправдываешь Натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ? . . . . Могу ли я, на примѣръ, восхищаться великолѣпною картиною утра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліо-

ны изверговъ, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ?.. Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; стремлюся къ нимъ душею . . . но вспрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эта мысль не есть ли горькая отрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

ФИЛАЛЕТЪ.

Любезной другъ! чернить нравственной міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ философі-

ею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть щастливымъ и добрымъ, или быть щастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрой Творецъ соединилъ съ нимъ внут-

реннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть нещастный, наказы-

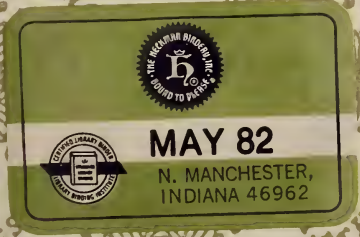
ваемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй, или человѣкъ, которой любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная піитическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ.

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ коротких словахъ: „Возможное земное „щастіе состоитъ въ дѣй„ствіи врожденныхъ склонно„стей, покорныхъ разсудку —

„въ нѣжномъ вкусѣ, обращен-
„номъ на Природу — въ хоро-
„шемъ употребленіи физиче-
„скихъ и душевныхъ силъ.
„Безпрестанное наслажденіе
„также невозможно, какъ
„безпрестанное движеніе; ма-
„шину надобно заводить для
„хода, а работа заводитъ
„душу для чувства новыхъ
„удовольствій. Быть щастли-
„вымъ, есть быть вѣрнымъ
„исполнителемъ естествен-
„ныхъ мудрыхъ законовъ; а
„какъ они основаны на общемъ
„добрѣ и противны злу, то
„*быть щастливымъ есть . . .*
„*быть добрымъ.*“

H 151 82

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS